

Элина
Волкова

НЕНАВИСТЬ
ПО НАСЛЕДСТВУ

Элина Волкова

Ненависть по наследству

«Автор»

2026

Волкова Э.

Ненависть по наследству / Э. Волкова — «Автор», 2026

Семнадцать лет назад пожар разрушил дружбу двух семей и сделал Варю и Матвея врагами. Теперь старый дом на берегу Волги достаётся им пополам, с условием: восстановить его за семь месяцев и вместе. Они клянутся держать перемирие, но тайны прошлого и тёплые вечера у печи оказываются сильнее ненависти.

© Волкова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Завещание	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Элина Волкова

Ненависть по наследству

Глава 1. Завещание

Серафима Ильинична умерла в среду вечером, в кресле, с книгой на коленях. Мне позволила соседка, тётя Галя, и первое, что я спросила, прежде чем заплакать, было: «А какую книгу она читала?»

- Да я и не посмотрела, Варенька, - шумно высморкавшись в трубку, растерянно ответила тётя Галя. - Там такое творилось, скорая, участковый, все бегает. Ты уж прости меня, старую, не до книжки было...

Глупый вопрос, конечно. Но я до сих пор думаю, что, узнай я название, мне стало бы легче. Как будто книга могла объяснить, почему человек, который научил меня любить стихи на подоконнике в школьной библиотеке, ушёл, а я не успела даже отправить ей открытку к Новому году.

Хоронили её в четверг. Весь город пришёл, хотя Устье, если честно, не из тех мест, где люди охотно ходят друг к другу на похороны. Но Серафиму Ильиничну здесь знали все: сорок лет она была директором школы, и каждый второй на кладбище когда-то стоял перед ней в коридоре с красными ушами.

Я стояла в заднем ряду, в чёрном пальто, которое купила на прошлой неделе в Петербурге в спешке, между двумя совещаниями, и слушала, как кто-то говорит про «светлую память». Потом мама взяла меня под руку, и мы пошли к воротам. Мама держалась прямо. Она всегда держится прямо, даже когда у неё болит сердце, а оно у неё болит чаще, чем она признаётся.

Через девять дней после похорон мне пришло письмо. Не электронное, настоящее, на плотной бумаге, с водяным знаком и такой формулировкой, от которой хотелось сразу проверить, не забыла ли я заплатить налоги за последние пять лет.

«Уважаемая Варвара Георгиевна! Приглашаем Вас на оглашение завещания гр. Луниной С. И. Присутствие обязательно. Нотариус Э. Л. Шмелёв».

- Обязательно? - переспросила мама, прочитав письмо через моё плечо, и недоверчиво свела брови. - Что она могла тебе оставить, Варя? Книги, что ли? У неё же ничего, кроме книг, и не было, она всю жизнь на учительскую пенсию прожила.

- Наверное, книги, - пожала я плечами и аккуратно сложила бумагу пополам. - Я бы взяла книги. Хоть что-нибудь на память, мам. Ты же знаешь, как я её любила.

Мама поджала губы и ничего не ответила. Я заметила это тогда и не придавала значения. Придала потом.

Контора нотариуса помещалась на втором этаже бывшего Дома культуры, в бывшей гримёрной. Об этом сообщала табличка на двери: «Нотариус». Остальное, видимо, предполагалось угадать по зеркалу в позолоченной раме, которое никто не догадался снять.

Эдуард Львович Шмелёв оказался сухоньким человеком лет шестидесяти пяти в жилетке и в бабочке горохового цвета. На столе перед ним стоял китайский термос с драконом и лежала папка, перевязанная синей лентой. Папка выглядела торжественнее всего остального в комнате.

- Варвара Георгиевна, - он поднялся из-за стола и пожал мою руку двумя своими, как врач, который сообщает хорошие новости. - Прошу вас, садитесь, садитесь. Мы ждём ещё одного участника. Он, по моим сведениям, уже в городе, но, возможно, заплутал. Устье, знаете ли, за последние годы столько всего...

- Не изменилось, - перебила я и села на жёсткий стул напротив.

- Именно! Совсем не изменилось, и потому так легко заплутать, - радостно согласился нотариус и развёл руками, будто это было величайшее открытие в его жизни.

Я принялась изучать зеркало. Моё отражение выглядело так, как будто его вытащили из реки: бледное, с мокрыми от дождя волосами и карандашом в пучке. Карандаш я воткнула утром, чтобы не мешали волосы, и забыла. Привычка реставратора: всё, что можно воткнуть в голову, лучше воткнуть в голову, руки заняты.

Я успела вытащить карандаш и воткнуть обратно дважды, когда дверь открылась.

Он вошёл, стряхивая воду с воротника тёмного пальто, и ни к кому конкретно не обратился:

- Прошу прощения за опоздание. На мосту пробка, какой-то трактор встал посреди дороги, объехать было невозможно.

Голос я не узнала. Он стал ниже, спокойнее, как у человека, привыкшего, что его слушают с первого раза. А вот то, как он держал плечи, как поворачивал голову, прежде чем посмотреть на собеседника, я узнала сразу, и во рту стало сухо, как будто я проглотила горсть песка.

Он увидел меня и остановился.

Семнадцать лет. Я не видела его семнадцать лет и всё это время помнила мальчишкой в грязных кроссовках на ступенях суда. Тот мальчишка был худым, остроплечим и злым. Этот был высоким, широким в плечах, с жёстко очерченным подбородком и седой прядью у левого виска, слишком ранней для его возраста. Злым он, судя по глазам, остался.

- Сомова, - произнёс он тихо и очень ровно, словно читал фамилию с чужого паспорта.

- Красильников, - ответила я в тон, и мне самой не понравилось, как звонко это вышло.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как с его пальто капает на старый паркет.

- Так вы знакомы! - всплеснул руками Шмелёв, переводя сияющий взгляд с меня на Матвея и обратно. - Ах, ну конечно. Это же Устье, здесь все друг друга знают с пелёнок. Тем лучше, тем лучше для дела! Матвей Андреевич, прошу вас, присаживайтесь, не стойте на пороге, как неродной.

- Я постою, - сухо отозвался Матвей и прислонился к стене у двери, скрестив руки на груди.

- Как вам угодно. Только предупреждаю, чтение займёт некоторое время, а стулья у нас, как видите, не самые удобные.

- Переживу.

Я демонстративно повернулась к нему боком. Шмелёв развязал синюю ленту, надел очки, откашлялся в кулак и начал читать глубоким торжественным голосом:

- «Я, Лунина Серафима Ильинична, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, что подтверждено справкой, которую нотариус, надеюсь, не потерял...» - он поднял глаза над очками и пояснил вполголоса: - Так и написано. Не потерял, смею заверить.

У меня против воли дрогнули губы. Это была она, вся целиком: сухая, лукавая, с этим ровным голосом, которым она могла объявить расстрел и поздравить с победой на олимпиаде одним и тем же тоном.

- «...завещаю принадлежащий мне дом по адресу: Набережная улица, четырнадцать, со всем находящимся в нём имуществом, библиотекой и архивом, двоим людям. Сомовой Варваре Георгиевне и Красильникову Матвею Андреевичу, в равных долях».

Слова прошли мимо меня, как поезд мимо платформы, на которой стоишь, и только потом ударили воздухом в лицо.

- Простите, - сказала я, вцепившись пальцами в край стула, - повторите, пожалуйста. Мне, наверное, послышалось.

- «Двоим людям. Сомовой Варваре Георгиевне и Красильникову Матвею Андреевичу, в равных долях», - послушно повторил Шмелёв, ни капли не смутившись.

- Это ошибка, - негромко, но жёстко произнёс Матвей от двери. - Эдуард Львович, перепроверьте документ. Серафима Ильинична не могла этого написать, она прекрасно знала, что между нашими семьями...

- Ошибки здесь нет, голубчик, - мягко, но непреклонно перебил нотариус. - Серафима Ильинична составила завещание три года назад и перечитывала его каждый год, в свой день рождения. Я лично удостоверял поправки. Ошибки нет. Есть условия.

- Какие ещё условия? - спросила я, чувствуя, как ледяная волна поднимается откуда-то из живота.

Шмелёв перелистнул страницу и продолжил:

- «Дом находится в аварийном состоянии, о чём прекрасно знают оба наследника, потому что они оба там лазили в детстве, когда думали, что я не вижу». - Он сделал паузу и добавил уже от себя, с лёгкой улыбкой: - Это тоже её слова, я ничего не выдумываю.

Я против воли посмотрела на Матвея. Он смотрел в окно, но уголок его рта дёрнулся, и я поняла, что он тоже вспомнил: гнилую лестницу на чердак, пыльный запах яблок в сентябре и строгий голос снизу: «Красильников, Сомова, слезайте немедленно, я уже знаю, что вы там!»

Когда-то мы были друзьями. Мне было восемь, ему двенадцать, и наши отцы вместе делали мебель.

- «Условие первое. Наследники обязаны в течение семи месяцев с момента оглашения завещания совместно восстановить дом и открыть в нём музей и общедоступную библиотеку. Открытие должно состояться не позднее первого июня, в День города».

- Семь месяцев? - Я невольно рассмеялась, нервно, на грани истерики. - Эдуард Львович, там крыша течёт как решето! Там половина перекрытий держится на честном слове и на паутине! Это же невозможно в такие сроки, даже если бы мы...

- «Условие второе, - невозмутимо продолжил Шмелёв, - наследники обязаны находиться на объекте не менее четырёх дней в неделю. Контроль поручаю нотариусу Шмелёву, у которого, как я знаю, есть блокнот и бесконечное терпение».

- Блокнот имеется, - гордо добавил он уже от себя и постучал пальцем по кожаной обложке. - Терпение, увы, не бесконечное, но развивается.

- «Условие третье. На реставрацию оставляю счёт в банке: три миллиона двести тысяч рублей. Это всё, что у меня есть, не считая дома, и больше не будет. Придётся думать».

- Три двести, - тихо, будто самому себе, сказал Матвей, и я услышала, как он выдохнул сквозь зубы. - Ну да, конечно. На такой дом. Это даже на одну кровлю не хватит, если делать по-человечески.

- «Если условия не будут выполнены, дом перейдёт в собственность города». - Шмелёв замолчал, снял очки и добавил уже совсем другим тоном, негромко, глядя куда-то мимо нас: - Я обязан вас предупредить. Администрация уже заключила предварительное соглашение с компанией «Бремя-Девелопмент» о передаче участка под застройку. Они ждут, и, признаться, ждут очень нетерпеливо.

Бремя. Это имя я знала с детства, как знают название болезни, которой переболела вся семья. Но сейчас не время было об этом думать.

- Нет, - сказала я и встала. Стул громко скрипнул по паркету. - Эдуард Львович, мне очень жаль, что Серафима Ильинична так решила. Правда жаль, я её любила. Но я отказываюсь. Работать вместе с ним? Нет. Оформляйте отказ от наследства, или как это у вас называется.

- Я тоже, - вставил Матвей, не оборачиваясь.

Я резко повернула голову. Мы впервые за семнадцать лет оказались согласны в чём-то, и это было почти оскорбительно.

- Прекрасно, - безмятежно улыбнулся Шмелёв, словно мы только что сообщили ему о помолвке. - Тогда у вас есть тридцать дней, чтобы оформить отказ. Согласно закону, никто не вправе принять решение за вас раньше. Но у меня к вам обоим одна просьба, и она не моя,

а Серафимы Ильиничны. Вот, послушайте: «Прежде чем отказываться, пусть сходят в дом. Вместе. Один раз. И только потом решат».

- Это шантаж, - выдохнула я и опустилась обратно на стул.

- Это завешание, голубушка, - мягко поправил нотариус и подлил себе чаю из термоса. -

Хотя, зная Серафиму Ильиничну, скажу честно: разница была невелика.

На улице шёл дождь. Тот самый устьенский: мелкий, косой, незлой, но такой упорный, что через пять минут промокаешь до нитки. Я стояла под козырьком Дома культуры и пыталась дышать ровно.

Рядом остановился Матвей. Не рядом, конечно, а на расстоянии, достаточном, чтобы я могла считать, что его здесь нет. Он достал из кармана телефон, посмотрел на экран и убрал обратно.

- Вы выросли, Варвара Георгиевна, - произнёс он, не поворачивая головы.

Это «вы» было как пощёчина, вежливая, в перчатке.

- А вы нет, Матвей Андреевич, - ответила я так же вежливо, хотя внутри всё кипело. - Всё так же умеете выбирать эффектный момент. Опоздали, вошли последним, когда все уже сидели и ждали. Пробка, трактор... Очень удобно! Это у вас тоже наследственное?

Он наконец повернулся. Глаза у него были серые, не светлые, а тёмные, как мокрый асфальт, и совершенно спокойные. Только в самой глубине шевельнулось что-то, чего я не успела прочитать.

- Это мост, Варя, - сказал он негромко. - Мост, трактор и дождь. Не всё в этом мире делается против вас, знаете ли. Бывают и просто пробки.

И спустился по ступеням, не открывая зонта.

Я смотрела ему в спину. Руки дрожали, и я сунула их в карманы, чтобы никто не заметил, хотя на площади не было ни души.

Он назвал меня Варей. Единственный раз за всё время.

Я поняла это только тогда, когда он уже скрылся за поворотом. И почему-то разозлилась ещё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.